

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. В.Г.Ревуненкова
Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху. Особое внимание уделяется проблемам политической культуры. Книга предназначена для историков, обществоведов и читателей, интересующихся историей Франции.
Редколлегия: д-р ист. наук В.Г.Ревуненков (отв. Ред.),
д-р искусствоведения Н.Н.Калитина, д-р ист. наук Г.Л.Курбатов,
д-р ист. наук Г.Р.Левин, канд. ист. наук А.Б.Егоров,
канд. ист. наук Н.Е.Колосов, С.Н.Коротков (отв. секр.)
Рецензенты: д-р ист. наук Ю.В.Егоров (ЛГПИ им. А.И.Герцена)
Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета Ленинградского университета.

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 1 вандемьера ССХХI года
Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

СОДЕРЖАНИЕ Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>
Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). **Современные интерпретации Великой французской революции**
Колосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). **Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка**
Озолинг А.Е. (Ленингр. ун-т). **Французская памфлетистика при Старом порядке**
Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). **Роль периодической печати в политической системе Старого порядка**
Пименова Л.А. (Моск. ун-т). **О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения» (по приказам дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г.)**
Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). **Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (16581743)**
Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). **Финансовая политика Французской революции: характер и итоги**
Текст здесь: http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf
Искюль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). **Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции**
Соколов О.В. (МИАИВВС). **Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 17921794 гг.**
Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). **Вареннский кризис и французское общественное мнение (по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)**
Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). **«Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 17891799 гг.**
Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>
Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). **Л.-Л.Буальи художник эпохи Великой французской революции (опыт социологической интерпретации)**
Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). **О празднествах эпохи Великой французской революции**

Ю. В. Куркина

ВАРЕННСКИЙ КРИЗИС И ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

(по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)

Коллекция печатных изданий эпохи Французской буржуазной революции конца XVIII в., хранящаяся в библиотеке ЛОИИ СССР, представляет собой часть богатейшей книжной коллекции князей Воронцовых, основание которой было положено в середине XVIII в. В годы Великой французской революции она была значительно пополнена С. Р. Воронцовым, бывшим в то время послом в Лондоне и скупавшим выходявшие во Франции издания. Позднее собрание попало к Н. П. Лихачеву, который передал его в Академию наук СССР.

Часть коллекции, находящаяся в библиотеке ЛОИИ, насчитывает около 4 тыс. экземпляров и примерно такое же число

наименований, так как дублетов практически нет. В нее входят периодическая пресса предреволюционных лет, официальные издания и памфлеты. Периодика имеется в основном в виде отдельных разрозненных выпусков, за исключением «Пэра Дюшана», представленного достаточно полно. К числу официальных изданий относятся как публикации государственных органов Старого порядка, так и документы учреждений и обществ, возникших в годы революции: Учредительного и Законодательного собраний, Конвента, парижских клубов и секций.

Большую часть рассматриваемой коллекции составляют памфлеты.¹

Динамика памфлетной литературы непосредственно связана с ходом политической борьбы и с развитием свободы печати. Уже после собрания нотаблей 1787 г. во Франции стало появляться большое количество памфлетов и брошюр, значительно возросшее после указа от 5 июля 1788 г., разрешавшего письменное изложение мнений по поводу предстоящего созыва Генеральных штатов всеми «сведущими людьми королевства».² Главным последствием этого указа явилось то, что с этих пор ни один труд, публикуемый в границах этой весьма широко трактовавшейся тематики, не мог быть легально преследуем.

В последний год Старого порядка, по свидетельству Артура Юнга, в сутки выпускалось 13—16 новых наименований брошюр, чего не было даже в Англии.³

Первые памфлеты из коллекции ЛОИИ датированы именно 1787—1788 гг. Большая часть их — с указанием фамилий авторов, являвшихся в основном политическими деятелями и преимущественно относившихся к дворянству.

Однако первый пик памфлетной литературы, судя по коллекции ЛОИИ, наблюдался в 1789 г. Декларация прав человека и гражданина провозглашала свободный обмен мнениями одним из наиболее ценных прав французских граждан. В новых условиях значительно расширился круг тем выпускаемых листов. Ни одно событие общественной жизни с этих пор не оставляется памфлетистами без внимания.

В это время установился заметный перевес анонимных печатных изданий над авторскими. Часто брошюры выпускались и без указания на место издания. Большая же часть указанных издательств — это, по-видимому, частные издательства,

¹ Выборка значительная и, по-видимому, случайная, так как нет оснований предполагать избирательность интереса коллекционеров. Для количественного сопоставления коллекции ЛОИИ СССР см.: Тоугнеиш М. *Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Révolution française*. Т. 1—5. Paris, 1890—1913 (25 971 название); *Catalogue de l'histoire de France*. Vol. 2—3: *Périod révolutionnaire*. Paris, 1885—1895 (46 тыс. названий книг, брошюр, документов, памфлетов, газет и мемуаров).

² *Histoire générale de la presse française*. Т. 1: *Dès origines à 1814*. Paris, 1969. P. 409.

³ *Ibid.* P. 410.

многие из которых могли возникнуть непосредственно в ходе революции. Однако некоторая часть памфлетов была издана в Королевской типографии, переименованной в годы революции в Национальную.

Изменение условий печати не сопровождалось никакими техническими преобразованиями. Типографское дело оставалось кустарным. Применявшийся в то время ручной пресс давал возможность печатать не более 3 тыс. печатных единиц в сутки.⁴

Несмотря на ограниченность технических средств, количество выпускаемых памфлетов продолжало расти и к 1790—1791 гг. достигло наивысшей точки. Именно в этот период, судя по содержанию материалов рассматриваемой коллекции, печать во Франции пользовалась наибольшей свободой и подвергалась наименьшему контролю со стороны государства. Часто в памфлетах высказывались самые экстремистские точки зрения на ход событий.

В этот период появляется большое число пасквилей, направленных против отдельных государственных деятелей, и больше всего против Марии-Антуанетты. Памфлетисты использовали самые различные формы для выражения своего отношения к ней: стихотворную, песенную, маскарадную, форму монологов самой Марии-Антуанетты, ее жалоб, исповедей и протестов (во многих из них самая грубая брань сыплется на голову королевы). Основные обвинения в ее адрес — это ее чужеземное происхождение, ее мотовство, враждебность к французскому народу и революции. В одном из памфлетов в уста ее вложены слова: «Есть ли что-либо более приятное для королевы, чем видеть льющей ненавистную ей кровь? Французы! Моя ненависть к вам угаснет лишь в могиле».⁵ Ее любовные похождения, действительные или вымышленные, послужили пищей для многих памфлетистов. Даже там, где они не являются основной темой, о развратности королевы обязательно упоминается. Однако при всем значении критики Марии-Антуанетты не следует переоценивать ее место в антиправительственной публицистике. Многими памфлетистами ее персона воспринималась вполне самостоятельно. Ее не считали олицетворением всех бед Старого порядка и не отождествляли с ним. Таким образом, наряду с сохранением старых форм очернения государственных деятелей в памфлетах революционной эпохи появляется более четкое осознание грани между личностью и системой.

Материалы коллекции ЛОИИ дают основание предположить, что со времени учреждения республики, и в особенности с началом деятельности якобинского Конвента, начался рез-

⁴ *Ibid.* P. 435.

⁵ *Désespérance de Marie-Antoinette sur la mort de son frère*. S. l., s. a. P. 4.

ли спад памфлетной литературы (в коллекции она с этих пор почти полностью уступает место периодическим и официальным изданиям).

Изменение социальных условий в период революции, повышение политической активности общества и его заинтересованности в политике повлекло за собой появление более широкого круга авторов. Уже в последние предреволюционные годы и в первый год революции мы встречаем в их числе самостоятельных политических деятелей — в основном, депутатов Генеральных штатов и Национального собрания. В дальнейшем этот круг еще более расширится. Появятся брошюры, подписанные «Адвокат N», «Офицер X» или просто фамилией, без указания на политическое или социальное положение.

Вряд ли можно считать публицистику эпохи революции пропагандой, инспирированной определенными группировками. Известные имена авторов — это в основном имена независимых политических деятелей. Кроме того, каждый памфлет производит впечатление самостоятельного произведения. Практически не встречается «цепочек» из нескольких памфлетов, которые замыкали бы полемику в кругу профессиональных публицистов. Каждая брошюра содержит оценку определенного события или деятельности какого-то лица или общества, но почти не встречается прямых апологий, которые могли бы свидетельствовать о заказе. Это дает основание считать, что в большинстве своем публицистика эпохи революции может считаться действительным зеркалом общественного мнения, а не проявлением партийной пропаганды.

Именно отражением непосредственной реакции общества представляется группа памфлетов, посвященных Вареннскому бегству Людовика XVI.

Характеризуя политическую обстановку к началу 1791 г., А. Собуль пишет: «Примирение королевской власти и революционной нации стало невозможным... На границах государства происходят волнения эмигрантов. Они плетут интриги с целью спровоцировать против революции иностранную интервенцию... В стране усиливается брожение аристократов... Возмущение несприязнувших священников дает дополнительный толчок контрреволюции. Одновременно развивается революционная оппозиция, делающая все более затруднительным проведение политики Национального собрания... К внутренним смутам прибавляются и внешние. Новой Франции противостоит Европа Старого порядка... Людовик XVI делает конфликт неизбежным, призывая на помощь иностранные державы, дабы восстановить свою абсолютную власть...».⁶

Действительно, с конца 1790 г. Людовик XVI начал перегово-

ры с европейскими державами, готовясь бежать, чтобы вернуться во главе армии интервентов. Неосторожные высказывания организаторов заговора о том, что король — пленник Национального собрания, что он лишен собственной воли, постепенно рождали в массах сомнения относительно верности короля революции. Все, что касалось королевской фамилии, стало привлекать особое внимание народа. Отъезд теток Людовика в феврале 1791 г. многими был воспринят как контрреволюционный акт. Затем, 18 апреля, король, пожелавший ехать в Сен-Клу на пасху, был задержан в Париже толпами народа. В выпущенном после этих событий памфлете, носящем название «Неудавшийся заговор объединенных аристократов», говорилось: «Он (Людовик) сам провоцирует нас на то, чтобы его объявили тюильрийским узником... Он может позволить себя увезти и встать во главе недовольных, предварительно напечатав прокламацию... где опротестует все санкции, данные им декретам Национального собрания... Таков замысел двора».⁷ Но следует отметить, что приведенное мнение — одно из очень немногих, направленных против короля. Судя по имеющимся материалам, запрещение королевского выезда в основном рассматривалось как оскорбление величества и нарушение закона о резиденции, разрешавшего королю удаляться от столицы в пределах 20 лье.⁸ Противники короля и монархии в данной ситуации не могли выступить открыто и должны были ждать события, которое разоблачило бы короля в глазах масс. И вот в ночь на 21 июня Людовик тайно покидает Париж, чтобы доехав до границы, возглавить контрреволюционную армию маркиза де Буйе и двинуть ее на столицу. Однако в пути он был узнан и арестован. Уже в течение суток, прошедших с момента побега до ареста, обнаружилась отчетливая политическая дифференциация, свидетельствующая об обострении кризиса в стране. Иллюзии о единстве короля и революции, о возможности ее завершения мирным путем потерпели крах. Сам факт бегства свидетельствовал о разрыве короля с новой, революционной Францией и о стремлении контрреволюции развязать гражданскую войну.

В памфлетах запечатлен процесс разделения общественного мнения по политическим позициям на несколько групп.

Представители первой группировки утверждают, что ограничение свободы перемещения короля в пределах собственного королевства — преступление. По их мнению, Людовик XVI, покинув Париж, лишь пытался вернуть себе отобранную свобо-

⁷ Complot manqué des aristocrates réunis. Paris, 1791. P. 1—2.

⁸ On n'est pas bête, comme les commissaires de la section du Luxembourg. Paris, 1791; Observons les faiseurs d'observations. S. l., s. a.; Cela est fort aisé à dire. S. l., 1791; Ouvrez les yeux et voyez où l'on vous mène. Paris, 1791.

⁶ Soboul A. Précis d'histoire de la Révolution française. Paris, 1969. P. 174—177.

ду.⁹ Таким образом, защитники прав короля, отрицая его вину, пытались предъявить обвинения народу.

Один из главных организаторов побега, маркиз де Буйе, писал из-за границы: «Если с головы короля упадет хоть один волос, от Парижа в скором времени не останется камня на камне».¹⁰ Голос Буйе — голос не только эмиграции, но и всей монархической Европы, открыто угрожавшей интервенцией: «Принцы Европы собираются вас проучить».¹¹

В одном из памфлетов говорилось о «знамени мятежа» и «оскорблении величества в день 18 апреля, 14 июля 1789 г. имевалось «величайшим преступлением».¹² «Не забывайте, — писал памфлетист, — что не может быть двух способов управлять одним народом ... Единственный возможный — королевская власть».¹³

Ультрароялисты клялись «до последнего дыхания преследовать чудовищ, лишивших Людовика XVI скипетра».¹⁴

«Кем может быть судим король? Восставшими подданными? Неужели чудовища, придумавшие этот ужасный план, еще не умерщвлены, неужели они еще дышат?»¹⁵

Высказывания представителей другой группировки — более умеренны. Их цель — защита короля как неотъемлемой части государственного устройства, без чьей санкции законы, принятые в ходе революции, недействительны. Один из памфлетов прямо называл сложившуюся ситуацию политическим кризисом.¹⁶ Конституционалисты попытались выйти из него путем компромисса, взяв короля под защиту. Его стали именовать первым другом народа,¹⁷ а бегство в Варенн — путем предотвращения «возмездия иностранных держав за бесправное положение французского монарха».¹⁸ Камуфлируя вину Людовика XVI, сторонники конституционной монархии пытались обратить негодование народа на сообщников заговора: «Теперь, когда все страхи позади, настал момент... принести на алтарь сво-

⁹ Bouillé F.-C. Lettre de M. de Bouillé à l'Assemblée Nationale. Paris. 1791. P. 5—6.

¹⁰ Ibid. P. 7.

¹¹ Ibid.

¹² Français, connaissez votre roi. S. I., 1791.

¹³ Ibid. P. 40.

¹⁴ Lettre des officiers de l'armée de M. le marquis de Bouillé à leurs camarades en France. Bruxelles, 1791. P. 5—6.

¹⁵ Réflexions sur la situation critique du roi, de l'Assemblée Nationale et de la France. Paris, 1791. P. 33.

¹⁶ Discours prononcé aux Jacobins sur la question suivante: que faut-il faire dans les circonstances actuelles? S. I., 1791. P. 2.

¹⁷ Observations sur le prétendu projet d'enlever le roi. Paris, 1791. P. 5.

¹⁸ Desmarest. Adresse aux français sur le départ du roi. S. I., 1791. P. 6.

боды головы тех, кто хотел похитить короля с пути народного счастья».¹⁹

Присутствие Людовика XVI необходимо было конституционалистам, так как означало для них законность революционной власти: «Центр и душа законов — власть монарха».²⁰ Поэтому короля называют самым большим сокровищем государства и призывают беречь его и охранять вплоть до завершения выработки конституции.²¹ Наиболее откровенным, как нам кажется, выражением позиции Национального собрания можно было бы считать брошюру Друэ.²² Автор ее утверждал, что король виновен в намерении вновь взойти на престол, используя бедствия страны. Но низложить его — означало бы уничтожить конституцию.²³

Сам факт появления споров о праве судить короля — свидетельство дискредитации королевской власти и остроты политического кризиса.

Обращаясь к королю, автор одного из памфлетов писал: «Вы стали недостойны пользоваться даже малейшей властью над народом столь же великим, сколь ничтожны вы сами».²⁴

Людовика называли трусом, заслуживающим, чтобы «вечным позором было отмечено его чело»,²⁵ и если патриотов обвиняли в намерении упразднить королевскую власть, то «характер Людовика XVI как нельзя более этому способствовал».²⁶ Монарх, вечно бросающий государство на произвол судьбы, не может управлять государством.²⁷

Король, достойный презрения, и королевская власть, лишившаяся авторитета, противопоставлялись мужественному французскому народу, «освященному солнцем свободы». В памфлете «Великий суд французского народа над Людовиком XVI» есть пародия, сочиненная по образцу известной песенки «Да здравствует Генрих IV»: «Да здравствует Франция, но не ее ничтожный король. Это бесчестное отродье недостойно доверия. Наша надежда теперь — только на законы ... Несчастные венченоксы, вы ищете войны?»²⁸

Обвинение в провоцировании гражданской войны — самое грозное из предъявленных королю патриотами. Его роль главы контрреволюционных войск для них — факт. «Трепещите, граж-

¹⁹ Le roi traité comme il le mérite. S. I., s. a. P. 6.

²⁰ Ibid. P. 7.

²¹ Ibid. P. 4.

²² Один из организаторов погони и ареста короля в Варенне.

²³ Drouet J.-B. Voilà ce qu'il faut faire du roi. Paris, 1791. P. 14.

²⁴ Jacquet. Réponse des français au manifeste des intentions du roi. Paris, 1791. P. 2.

²⁵ Grand jugement rendu par le peuple français contre Louis XVI. Paris, 1791. P. 3.

²⁶ Détail exacte de tout ce qui s'est passé... Paris, 1791. P. 3.

²⁷ Arrestation du roi près de la ville de Stenay. Paris, 1791. P. 2.

²⁸ Grand jugement rendu par le peuple français... P. 7.

дане! — взывала одна из брошюр. — Отечество в опасности! Король уезжает в Империю, чтобы стать во главе многих тысяч солдат, восставших против вашей конституции!»²⁹ Раздавались призывы к суду над королем как над «последним гражданином Отечества».³⁰

Патриоты понимали, что Людовик XVI при успешном бегстве немедленно послужил бы знаменем для военной интервенции: «Персона Людовика XVI в руках врагов придала бы им дерзости».³¹

Анонимный автор брошюры «Людовик XVI, сам себя лишивший трона», ссылаясь на пример английской революции, казнившей Карла I. Он писал о том, что король французов, желавший ввергнуть свободную нацию во все ужасы анархии и гражданской войны, в тысячу раз более заслуживает кары. Брошюра заканчивается требованием «предать огню трон и все другие помпезные безделицы королевской власти» и место монархии уступить республиканскому сенату.³²

После Варенна с неизбежностью встал вопрос о дальнейшей судьбе монархии. Сторонники суверенитета короля, утверждавшие, что король милостью божьей имеет все права и неподсуден, продолжали отстаивать принцип неприкосновенности личности. По их мнению, посягнуть на нее хотя бы однажды — значит подготовить условия для ее аннулирования.³³ При таких условиях король стал бы последним гражданином государства, так как зависел бы от воли каждого из 25 млн французов. В таком случае, монархия разрушилась бы сама собой, и в стране воцарился бы хаос.³⁴ Счастье народа не может, с точки зрения монархистов, «базироваться на такой шаткой основе, как народный суверенитет».³⁵ Приводя в пример все настоящие беды Франции, они видели их причины не в существовании королевской власти, а напротив, в том, что от нее осталась лишь видимость. Слова «республика» и «анархия» для многих роялистов почти тождественны, поэтому установление республики, по их мнению, немедленно привело бы к гражданской войне.

Конституционалисты отстаивали принцип монархизма, означавший для них законность власти. Они объединяли короля и законодательный корпус и называли этот союз «суверенитетом в действии».³⁶ Таким образом, сторонники линии Националь-

²⁹ Grand départ du roi pour joindre l'armée de ci-devant prince de Condé. S. l., s. a. P. 1.

³⁰ Ibid. P. 6.

³¹ Suite de Louis XVI et Marie-Antoinette traités comme ils le méritent. Paris, s. a. P. 3.

³² Louis XVI roi des français détroné par lui-même. S. l., s. a. P. 14.

³³ Compte rendu par une partie des membres de l'Assemblée Nationale sur le décret du 28 mars 1791. Paris, 1791.

³⁴ Opinion de M. Adrien du Port. Paris, 1791.

³⁵ Coué-Lanne. Adresse aux Français. Paris, 1791.

³⁶ Opinion de M. Malouet sur cette question: le roi peut-il être mis en jugement? S. l., s. a. P. 16.

ного собрания оказывались между двух огней — роялистско-аристократической контрреволюцией и демократами-республиканцами. Их явно пугал перевес и в ту и в другую сторону, недаром автор одного из памфлетов Малюэ призывал ставить тех, кто «провоцирует дезорганизацию монархии»,³⁷ в один ряд с теми, кто «способствует восстановлению Старого порядка».³⁸

Защитники конституционной монархии, отвергая возможность Республики, часто апеллировали к положению Руссо о пригодности республиканских форм только для малых стран.³⁹ Для обоснования своей позиции они обращались к истории народов, имевших республику первой формой правления. Однако, считали они, по мере того, как города разрастались, а люди расселялись все шире, эти народы сами приходили к осознанию необходимости монархического правительства. Времена Карла Великого, по их мнению, являлись лучшим примером того, как «самые широкие народные права могут сочетаться с властью короля».⁴⁰

Конституционалисты призывали «вернуть королю его конституционное королевство»,⁴¹ поскольку он в какой-то степени подготовил нацию к свободе, дав ей Генеральные штаты.⁴²

Партия республиканцев в этот период была весьма немногочисленной,⁴³ и ее представители, по-видимому, не были свободны от сомнений относительно пригодности республиканских форм для Франции. Однако все они ставили вопрос о замене монархической формы правления.

Известный философ, наследник просветителей и политический деятель Кондорсе выступил на заседании «Социального кружка» с речью «О республике, или необходим ли король для сохранения свободы?». Его выступление было очень своевременным для республиканцев, которым недоставало идеологического обоснования своей позиции. Кондорсе говорил о необходимости смены формы исполнительной власти после события, «навсегда освободившего народ от его связей с монархом».⁴⁴ Он последовательно опроверг положения, которыми обычно мотивировали непригодность республики для Франции. В частности, он отвергал возможность узурпации власти республиканским правительством, считая существовавшие во Франции свободу прессы и слова, действительное разделение общественных

³⁷ Ibid. P. 24.

³⁸ Ibid. P. 13.

³⁹ Opinion de M. Adrien du Port... Drouet J.-B. Voilà ce qu'il faut faire...

⁴⁰ Discours prononcé aux jacobins... P. 8.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid.

⁴³ Олар А. Политическая история французской революции. М., 1938. С. 146—191.

⁴⁴ Condorcet. De la République ou un roi est-il nécessaire à la conservation de la liberté? Paris, 1791. P. 7.

функций надежным барьером против всякой узурпации и тирании.⁴⁵

Особое внимание хотелось бы обратить на две брошюры, авторами которых являлись Бриссо и Робеспьер.

Брошюра Бриссо озаглавлена «Может ли король быть судим?». В законном праве народа на суд над королем Бриссо вовсе не видел посягательства на монархический принцип. Однако, по его мнению, французский король — король волей нации, которая суверенна, и если конституционная формула гласила: Нация, Закон, Король, то неправомерно ставить короля на первое место.⁴⁶ Бриссо попытался объединить на конституционной почве республиканцев и противников республики. И те и другие равно отвергали афинскую и римскую демократии, страшились разделения Франции на 83 федеративные республики, желали французской представительной конституции. «Итак, мы во всем согласны. Единственный вопрос, который нас разделяет, — это вопрос о том, может ли глава исполнительной власти быть заменен?»⁴⁷ Несмотря на то, что вопрос об исполнительной власти являлся существеннейшим вопросом, Бриссо выдвигал на первый план то, что объединяло различные политические партии, а это, по его мнению, — конституция и законодательная власть в лице Национального собрания. Тем самым он защищал достигнутое в ходе революции конституционное устройство.

И наконец, очень интересна позиция Робеспьера. Его сочинение названо «Последним мнением по поводу бегства короля». Оно вполне созвучно речи Бриссо. В нем также ставился вопрос о священном праве народа на суд над монархом, виновным в измене и стремлении к братоубийственной войне. Но пока идея французской монархии имеет прочную привязанность в сердцах большинства, даже всех, населяющих эту обширную империю. Однако этой привязанности может скоро не стать, если ее ценой должно быть кровопролитие».⁴⁸

Кроме того, существует известная речь Робеспьера, произнесенная 21 июля, спустя месяц после Вареннского бегства и через несколько дней после принятия Национальным собранием декрета, провозглашавшего невинность Людовика XVI. В этой речи Робеспьер обвинял само Национальное собрание в предательстве интересов нации, называл его врагом революции, т. е. возлагал на него ответственность за политический кризис, из которого нельзя было, по его мнению, выйти путем лжи и ком-

⁴⁵ Ibid. P. 2—6.

⁴⁶ Brissot J.-P. Discours sur la question de savoir si le roi peut être jugé. Paris, 1791. P. 6.

⁴⁷ Ibid. P. 1—2.

⁴⁸ Dernière opinion de M. Robespierre sur la fuite du roi. S. I., s. a. P. 7.

промиссов.⁴⁹ Очевидна эволюция взглядов Робеспьера: от защиты конституционной монархии он пришел к признанию необходимости полной смены власти — и исполнительной, и законодательной, — как власти, препятствовавшей дальнейшему развитию революции.

Похожая мысль звучит в брошюре, названной «Смертным приговором королю и королеве Франции и Национальному собранию, вынесенным владыкой преисподней», анонимный автор которой писал о неспособности нынешнего правительства довести что-либо до конца и о его близости к гибели «от руки нации, которую оно подавляет».⁵⁰

Таким образом, часть французского общества в результате Вареннских событий пришла к признанию необходимости замены формы правления. Дискредитация монарха привела к дискредитации идеи монархии в условиях, когда выявилась невозможность компромисса с королевской властью. Требование Республики было поставлено на повестку дня, и республиканизм, являвшийся до тех пор идеей лишь небольшого числа философов и политиков, стал самостоятельным политическим течением.

⁴⁹ Робеспьер М. Избр. произв. Т. 1. М., 1965. С. 154—158.

⁵⁰ Arrêt de mort rendu par le monarque des enfers contre le roi et la reine de France et l'Assemblée Nationale. S. I., 1791. P. 6—7.

Некоторые тематически связанные материалы

Вареннский кризис (подборка документов)

http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_var91.pdf

**Н.Владимирова. Якобинский клуб
в дни вареннского кризиса лета 1791 г.**

http://vive-liberta.narod.ru/journal/vladm_varences.pdf

Хроника вареннского бегства

http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/varences.htm

«Завтра король обратился к народу...»

- вареннское не-бегство

http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/play/var_1.htm

http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/play/var_refl.htm